

Чеботникова Татьяна Алексеевна

NOMINA PERSONA: УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Статья посвящена изучению одного из сегментов коммуникативного пространства российской провинции, в частности описанию качественных имен существительных, именующих человека по его внутренним качествам и чертам характера. Выявляются особенности толкования их значений в словарях различного типа, устанавливаются потенциальные возможности. Знание специфики функционирования в речевой практике исследуемых слов позволит правильно построить высказывание, при необходимости изменить тональность общения, снять ненужное напряжение и тем самым избавит от коммуникативных ошибок и неудач.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 172-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Статья посвящена изучению одного из сегментов коммуникативного пространства российской провинции, в частности описанию качественных имен существительных, именующих человека по его внутренним качествам и чертам характера. Выявляются особенности толкования их значений в словарях различного типа, устанавливаются потенциальные возможности. Знание специфики функционирования в речевой практике исследуемых слов позволит правильно построить высказывание, при необходимости изменить тональность общения, снять ненужное напряжение и тем самым избавит от коммуникативных ошибок и неудач.

Ключевые слова и фразы: коммуникативное пространство; речевая практика; просторечие; качественное имя существительное; носитель языка; разговорная речь.

Чеботникова Татьяна Алексеевна, д. филол. н., доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
chebotnikoff2@yandex.ru

NOMINA PERSONA: УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Оренбургской области в рамках научного проекта № 17-14-56601.

Современное коммуникативное пространство России вообще и коммуникативное пространство российской провинции в частности представляет собой сложное, а возможно, и уникальное явление. Разговорная речь как одна из разновидностей литературного языка, так называемый «общий жаргон», просторечие, утратившее социально-классовую основу, вобравшее в себя отдельные диалектные слова и выражения и ставшее достоянием широких масс, – вот тот функциональный массив, который обеспечивает повседневное общение.

Названные устные разновидности речи составляют некое унифицированное и весьма функциональное образование, которым пользуются современные носители русского языка в повседневной речевой практике и которое представляет собой свободную череду «вкраплений» в общую канву коммуникации жаргонных, просторечных, иногда диалектных слов как единиц, не имеющих какой-либо четкой статусной отнесенности. Ранее уже описывались особенности употребления и понимания некоторых глагольных форм, а также слов со значением родства современными носителями русского языка [11-15]. Мы отмечали, что умение не только совмещать стилистически и функционально разнородные языковые элементы в речевой практике, но и ощущать необходимость их присутствия в должной пропорции становится показателем стиля и высокого уровня владения языком [16].

При этом следует подчеркнуть, что не только рядовой носитель языка не всегда способен квалифицировать функционально-стилистический статус используемой им языковой единицы, но и специалисты сознательно отказываются от строгой его дифференциации, ограничиваясь указанием на коммуникативно-прагматическую валентность слова. Так, например, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова помета «просторечное» вовсе отсутствует, она как бы покрывается пометой «разг.» (разговорное), точнее «разг.-сниж.» (разговорно-сниженное), но при этом весьма подробно представлены пометы эмоционально-экспрессивного и оценочного характера: «одобр.»/«неодобрит.», «шутл.»/«ирон.», «почтит.»/«уничижит.»/«презрит.»/«пренебр.», «ласк.»/«груб.» и др. [4].

Подобный подход представляется нам весьма логичным, поскольку границы между просторечной и разговорной стихией подвижны и неустойчивы, а то языковое явление, которое получило наименование «общий жаргон», в известной степени сближается с традиционным представлением о просторечии, то есть речью людей, недостаточно овладевших нормами литературного языка, так как повседневная речь современных носителей русского языка чрезвычайно экспрессивна и часто избыточно эмоциональна.

Анализируя узус повседневной коммуникации российской провинции, мы отмечаем, что для «усредненного» современного носителя языка снижение культурно-речевого стандарта, проявляющееся на нормативном, коммуникативном, этическом и эстетическом уровнях, является обычаем. Непреднамеренное, то есть естественное, отступление от языковых норм (орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических), нарушение чистоты и эстетичности речи, получающее выражение в активном включении в свою речь эмоционально заряженных бранных слов, слов-паразитов, оценочных слов, оказывающих влияние на общую тональность общения, отступления от традиционных этикетных норм – черты, отличающие современного образованного (имеющего среднее или высшее образование) представителя среднелитературного типа речевой культуры, или так называемого наивного просторечника.

В рамках статьи мы не предполагаем осветить все выше пунктирно обозначенные «приметы» современного носителя просторечия, наше внимание будет сосредоточено лишь на отдельных особенностях словоупотребления, в частности на использовании качественных имен существительных, характеризующих человека по его внутренним качествам и чертам характера, то есть существительных, которые с лексемой «человек» находятся в гиперо-гипонимических отношениях.

Актуальность настоящей работы определяется попыткой рассмотреть языковые факты в диаде «язык и человек», ее включенностью в решение актуальных задач антропоцентрической парадигмы, изучающей язык в тесной связи с его главным носителем – человеком.

Источниковой базой исследования послужили данные авторской картотеки, Национального корпуса русского языка (НКРЯ), лексикографические данные.

Материал исследования формировался посредством сплошной эксцерпции употреблений названных языковых манифестаций. Метод – описательный, основанный на наблюдении, анализе и синтезе исследуемых явлений.

Изучение фактического материала показало чрезвычайную его насыщенность словами с оценочной маркированностью, в частности качественными именами существительными. В их числе: бахвал, выжига, раздолбай, растяпа, фефела, головорез, зуда, неряха, чистюля, растрепка, балбес, балда, брюзга, бахвал, ветрогон, чистоплюй, лахудра, тѣха, голодранец, скряга, охламон/ка, пустослов, шалопай, раззява, недотепа, ротозей, мямля, баламут, разгильдяй, пофигист и др.

Названные существительные представляют собой *nomina persona*, в основу которых положены внутренние качества или доминирующие черты характера. Толкование значения названных существительных в словарях дается по-разному. Так, одни получают толкование посредством сложноподчиненной конструкции с придаточным определительным, включающим глагольную форму, от которой образовано имя существительное: бахвал(ка) (разг.) – тот, кто бахвалится [8, с. 34], бедокур (разг.) – тот, кто бедокурит [Там же, с. 35]. Значение других толкуется посредством синонимичных имен существительных, значение которых, в свою очередь, толкуется посредством словосочетаний с атрибутивными отношениями, определительных придаточных или имен прилагательных: выжига (прост.) – плут, пройдоха [Там же, с. 92], плут – 1. Хитрый и ловкий обманщик, мошенник; 2. Человек, который любит хитрить, лукавить (разг.) [Там же, с. 422], пройдоха (прост.) – пронырливый, жуликоватый человек [Там же, с. 497]. Значение третьих квалифицируется посредством имен прилагательных: балбес (прост., презр.) – бестолковый, грубый, неотесанный [Там же, с. 31], ветреник (разг.) – легкомысленный, пустой [Там же, с. 64], пройдоха, м. и ж. (прост.) – пронырливый, жуликоватый человек [Там же, с. 497]. Кроме перечисленных, имеются также параллельные толкования. Так, например, просторечное существительное *зуда* толкуется посредством синтаксических конструкций с определительными отношениями: зуда – надоедливый человек, тот, кто зудит, докучает [Там же, с. 192]; просторечное *зубоскал* – посредством определительного придаточного предложения, включающего однокоренную глагольную форму, и качественного существительного, предполагающего дальнейшее толкование: зубоскал – человек, который любит зубоскалить, насмешник [Там же], насмешник (разг.) – любящий насмехаться человек [Там же, с. 315].

В речевой практике носителей языка Оренбургского региона, помимо вышеназванных общеупотребительных оценочных имен существительных, используются и местные наименования лиц мужского и женского пола: баширница (скандальная), злыдница (злая), лахудра/лакудра (неопрятная), неладушка м/ж (неповоротливый), отрошница (избалованная), полуѣха (невежливая, грубая), распрундай (неопрятный) / распрундаиха (неопрятная, неряшливая), снафида, снафидушка / сонафида (неопрятная, неряшливая), фефѣла (неопрятная), чумучка (грязная), сисятник (безвольный, нерешительный) / сисятница (несамостоятельная), вислюга (повеса, нерасторопный), вятютень (неповоротливый, ленивый), брѣх/брехун/брехуша (враль), ищевульник (лукавый), обоум (хитрый), тѣфан (неповоротливый), своебышник (своенравный, упрямый). Встречаются также имена существительные, дающие оценочное наименование не отдельному индивиду, а группе людей, напр. дуохолы (пренебр.) – недалекие, глуповатые люди [6, с. 43].

Представленные номинации зафиксированы Б. А. Моисеевым и включены в Оренбургский областной словарь – результат обработки и систематизации фактов, непосредственно «снятых» исследователем из речевой практики конкретных носителей языка (говора, диалекта). Следует отметить, что включенные в словарь оценочные имена существительные могут иметь не чисто оренбургское происхождение. Они могли быть принесены орловскими, тамбовскими, курскими, рязанскими, смоленскими и другими многочисленными переселенцами на территорию Оренбургской губернии и поэтому встречаются, хотя и с разной частотностью, на территории всей России, в их числе, например, такие, как фефела, чумичка/чумучка, лахудра. Их присутствие в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок («В праздник белолычка, в будень чумичка» (поговорка)), в текстах художественной литературы, как классической, так и современной («Аркадина: Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефѣлой, не распускала себя, как некоторые» (А. П. Чехов. Вишневы сад) [7]; «Барышня уж в годах и не из фефел... К чему ей сорокапятилетний генерал!.. Молодой интересней!» (К. М. Станюкович. Откровенные) [Там же]; «Как жить-то будете?! Все друзей сюда водила, лахудра! Доводилась!» (А. Волос. Недвижимость) [Там же]; «Оно и видно, ходишь вечно как лахудра, на голове сосульки одни» (Л. Петрушевская. День рождения Смирновой) [Там же]), является свидетельством их географической незакрепленности и общеупотребительности.

Обращает на себя внимание, что при наличии достаточно большого числа фиксаций имен существительных названного типа в областном словаре (следовательно, и в речевой практике) практически отсутствуют имена прилагательные, характеризующие человека со стороны его внутренних качеств и черт характера, что еще раз подтверждает первичность и «качественность» имен существительных, на которую указывали А. А. Потемня и Л. П. Якубинский. Способность имен существительных одновременно (одним словом) называть и предмет, и признак указывает на генетическую близость прилагательных и существительных [10]. Вместе с тем нельзя не замечать семантическую уникальность имени существительного и прилагательного. А. Вежицкая в работе «Что значит имя существительное? (или: Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?)» отмечает, что «существительное обозначает “разновидность” (человека, вещи или чего-либо еще), а не просто единичное свойство. <...> ...существительные имеют тенденцию обозначать “виды вещей”, наделенные некими свойствами, в то время как прилагательные обозначают свойства как таковые» [2, с. 166-167]. А. Вежицкая приходит к заключению, что характеристики людей имеют тенденцию

обозначаться существительными, если они рассматриваются как постоянные и/или бросающиеся в глаза и/или важные. «Общий знаменатель, – пишет А. Вежицкая, – по моему мнению, таков: существительное указывает на категоризацию...» [Там же, с. 161]. Подобная семантическая деривация имеет тенденцию сопровождаться появлением экспрессивного компонента [Там же, с. 169]. Действительно, в лексикографической практике существительные со значением оценки, как правило, имеют стилистические и оценивающие пометы «разг.», «разг. сниж.», «разг. неодобр.», «разг. фам. пренебр.», «прост.», «прост. пренебр.», однако ни один словарь не содержит сведений относительно существующей семантической разницы однокоренных существительных и прилагательных, именующих человека по его внутренним качествам и чертам характера.

Все приведенные выше имена существительные являются не только экспрессивными наименованиями человека, но и включают целый комплекс дополнительных значений, в частности несут информацию об объекте, субъекте, об отношениях между ними, то есть выражают номинативное, атрибутивное и предикативное значения и, соответственно, выполняют номинативную и предикативную функции. Напр., «Нелли стала воображать, какие именно могли произойти неприятности, в которые разгильдяй Петренко втянул ее мужа» (Т. Тронина. *Никогда не говори «навсегда»* [7]): Нелли – субъект, Петренко – объект, субъект номинирует объект «разгильдяем» (разгильдяй (разг., презр.) – нерадивый, небрежный в делах, разболтанный человек [8, с. 525]), дает ему характеристику, выражая тем самым свое отношение к нему, и декларирует при этом, что объект – «разгильдяй»; аналогичные значения выявляются и в других высказываниях, например: «Какой-то разгильдяй выбросил на тротуар пустую пачку от папирос “Беломорканал”» (Г. Фукс. *Двое в барабане*) [7].

В силу специфики значения имени существительные описываемого типа являются, как отмечает М. В. Ляпон, «отражением элементарного мыслительного акта», предполагающего, «прежде всего, существование оценивающего субъекта (кто оценивает?), объекта (что оценивается?) и самого результата оценочного высказывания» [5, с. 232]. Аналогичную точку зрения мы встречаем в работах Т. И. Кочетковой и О. Н. Соловьевой [3; 9]. Т. И. Кочеткова пишет: «Оценочные слова, на наш взгляд, полифункциональны, т.к. способны выполнять не только номинативную функцию, но и номинативно-предикативную» [3, с. 73]. Предикация, в понимании Т. И. Кочетковой, представляет собой «реализацию способности языковой единицы (семантико-синтаксической структуры) выразить коммуникативную установку на основе соединения в предложении компонентов, обозначающих предмет и его признак; акт оформления пропозиции» [Там же, с. 73-74].

Находящиеся между собой в отношениях эквонимии описываемые нами имена существительные, по мнению А. Вежицкой, пригодны для экспрессивных речевых актов, таких как, например, брань, а также для употребления в эмоционально заряженных речевых актах [2, с. 169], где существительные со значением оценки, как правило, занимают синтаксическую позицию обращения или сказуемого. Ср.: «*Вся кровь бросилась в голову. “Что ты сказал, мерзавец?” – “Померзавь мне ещё”, – пригрозил генерал*» (И. Муравьева. *Мещанин во дворянстве*) [7]; «*Ты обещал... Ты измучил меня, мерзавец! Ты всю кровь из меня выпил! – Что ещё скажешь? – Ты мерзавец и негодай! – Договорись! – пригрозил Иосиф*» (А. Рыбаков. *Тяжелый песок*) [Там же].

Названные синтаксические позиции (обращения, выполняющего экспрессивную функцию, и сказуемого, выполняющего номинативно-предикативную функцию) усиливают значение оценочной категоризации, свойственное имени существительному. «С помощью существительного на человека наклеивается “ярлык”» [2, с. 162], ставится клеймо, выбор которых преимущественно зависит от субъективных предпочтений оценивающего лица. В связи с этим, соответственно, возникает социально-психологическое напряжение: носители языка испытывают дискомфорт в случае применения к ним существительного в качестве средства характеристики. «*Лингвистическое чутье, – пишет А. Вежицкая, – говорит людям, что одно дело, когда называют X-ом (в сущности, обзывают. – Т. Ч.), и совсем другое, когда тебя описывают посредством однокоренного прилагательного или глагола, которые лингвист мог бы назвать синонимичными слову X*» [Там же, с. 161].

Изучение и анализ фактического материала позволили установить, что в речевой практике качественные имена существительные, именующие человека по его внутренним качествам и чертам характера, способны утрачивать негативную оценочную окраску, закрепленную в системе языка.

Во-первых, это происходит в высказываниях, где субъектом и объектом оценки является одно и то же лицо: «*Марик стукнул себя кулаком по лбу. – Ах я растяпа!*» (Д. Сабитова. *Цирк в шкатулке*) [7]; «*Эх, я растяпа, завозилась на кухне с запеканкой... Но и ты-то чем думала!*» (Е. Завершнева. *Высотка*) [Там же]; «*Я чувствовал себя сконфуженным не столько перед Вами, как перед графиней Софьей Андреевной, Татьяной Львовной и Марией Львовной, которые могли подумать: “Что за разгильдяй такой!”*» (Н. С. Лесков. *Письма Л. Н. Толстому*) [Там же]; «*Можно и о себе рассказать. Разгильдяй, лодырь и мечтатель. Ищу свою стаю*» (Форум: сайт об эзотерике) [Там же].

Во-вторых, в эмоционально положительных высказываниях описательно-оценочного типа, где субъект и объект оценки – разные лица, но при этом субъект характеризует объект с разных сторон, что снижает уровень категоризации, присущей семантике оценочного существительного: «*Да, он разгильдяй, игрок, но в сущности он хороший мальчик, добрый, никому зла не пожелает*» (Александра Маринина. *Светлый лик смерти*) [Там же]; «*Дед был большой разгильдяй и враль, в котором шутовство сочеталось с определенным стержнем, некоторые вещи он выполнял несмотря ни на что: ходил на охоту, имел все, что положено настоящему мужику, – мотор, лодку, “Буран” и даже невод*» (М. Тарковский. *С людьми и без людей // Октябрь. 2003*) [Там же]. В представленных примерах узуальная отрицательная коннотация имени существительного «разгильдяй», обозначаемая словарях пометой «презр.» (презрительное), отсутствует. Словом «разгильдяй» уже именуется не человек в целом как таковой, а лишь одно из его многочисленных свойств, находящихся на одном уровне значимости: он и разгильдяй, и весельчак, и игрок, и лодырь, и мечтатель, и хороший мальчик, и человек со стержнем.

В-третьих, при включении оценочных существительных, выражающих отрицательную оценку, в состав словосочетаний, в которых зависимый атрибутивный компонент не только дает позитивную характеристику, но и выражает субъективную положительную модальность: «Это Семен Листов, обаятельнейший и умнейший разгильдяй, мне он безумно нравился» (А. Медведев. Территория кино) [Там же]; «Внешне Леша не производил впечатления человека, интересующегося какими-то науками, более того, казалось, что он не в состоянии и вовсе закончить школу не то чтобы с какой-то медалью, а просто дойти до выпускных экзаменов и получить аттестат. Веселый разгильдяй, да и только. Но в то же время его наполняла какая-то большая сила, и это сразу чувствовалось» (Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище) [Там же].

В-четвертых, при окказиональном употреблении квалитативных имен существительных в повседневной бытовой речи в качестве средства выражения положительной эмоции, например восхищения, восторга, радости, приятного удивления. Ср.: «Вот ведь способный какой, мерзавец! Совсем вчера не учил уроков, у телевизора просидел, а на тройку ответил! <...> Память какую имеет, мерзавец! Все помнит, как будто вчера читал... Дратья, конечно, плохо. А все-таки смелый какой, мерзавец! <...> Слово “мерзавец” он (отец) всегда произносит ласково, даже нежно» (А. Алексин. Поздний ребенок) [1, с. 77-78]. Очевидно, что подобное использование названных существительных в речевой практике весьма специфично, к нему можно по-разному относиться, но не учитывать его нельзя.

Таким образом, условия утраты негативной оценочной окраски именами существительными, именуемыми человека по его внутренним качествам и чертам характера, значительно разнообразны. На наш взгляд, представляется значимым целенаправленное изучение коммуникативного потенциала оценочных слов и создание на этой основе справочников функционального типа, включающих рекомендации для адекватного их использования в речевой практике.

Список источников

1. Алексин А. Третий в пятом ряду. М.: Молодая гвардия, 1977. 512 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011. 569 с.
3. Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке: дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 301 с.
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Япон М. В. К вопросу о языковой специфике модальности // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. 30. Вып. 3. С. 230-239.
6. Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.09.2017).
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
9. Соловьева О. Н. Предикативный потенциал двусоставных предложений с компонентом оценочной модальности: дисс. ... к. филол. н. Оренбург, 2015. 150 с.
10. Сулименко Н. Е. Еще раз о семантике прилагательных // Критика и семиотика. Новосибирск – М., 2007. Вып. 11. С. 68-77.
11. Чеботникова Т. А. «Кто виноват теперь, что их идеал так уродлив» [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 15. С. 2021-2025. URL: <https://e-koncept.ru/2016/96323.htm> (дата обращения: 10.09.2017).
12. Чеботникова Т. А. Особенности речевого поведения молодежи в ситуации свободного общения: этико-риторический аспект описания // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. М. Ю. Беляевой, Н. А. Серогодского, Н. С. Балащенко. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2016. С. 215-219.
13. Чеботникова Т. А. Речевое поведение как культурно-исторический феномен // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Международной научной конференции / сост. Т. Ю. Игнатович, Ю. В. Биктимирова. Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. С. 57-60.
14. Чеботникова Т. А. Целесообразность как компонент языковой нормы // Актуальные проблемы современной науки: материалы международных научно-практических конференций научной сессии «XVIII Невские чтения». СПб: Изд-во НИЯК, 2016. С. 75-79.
15. Чеботникова Т. А., Владимирцева В. Г. Речевая практика: прошлое, настоящее, будущее // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы V Конгресса РОПРЯЛ. СПб: РОПРЯЛ; Фонд «Русский мир», 2016. С. 550-555.
16. Чеботникова Т. А., Якимов П. А. Слова со значением родства в речевой практике носителей русского языка // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 1 (25). С. 203-212.

NOMINA PERSONA: USUAL AND OCCASIONAL MEANINGS

Chebotnikova Tat'yana Alekseevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
chebotnikoff2@yandex.ru

The article is devoted to studying one of the segments of the Russian provincial communicative space; in particular, the author describes qualitative nouns nominating a human being according to his personal qualities and features of character. The paper identifies the peculiarities of their meaning interpretation in the different types of dictionaries, establishes the potentials. Knowing the specificity of their functioning in speech practice allows the communicant to formulate correct statement, to change the tonality of communication if necessary, to remove unnecessary tension, and, consequently, helps to avoid communicative mistakes and failures.

Key words and phrases: communicative space; speech practice; colloquial speech; qualitative noun; native speaker; colloquial speech.